

СТРАНСТВІЕ ЧАЙЛДЪ - ГАРОЛДА

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ ЛОРДА БАЙРОНА

(посвящается П. А. Плетневу)

Вселенная — нѣчто вродѣ книги, которой вы прочли одну первую страницу, если видѣли только свою страну. Я перелистывалъ довольно много страницъ и всѣ нашолъ довольно плохими. Этотъ пересмотръ былъ для меня не безплоденъ. Я ненавиждѣлъ свою родину. Мерзости разныхъ народовъ, посреди которыхъ я жилъ, меня съ ней помприли. Еслибы я не извлекъ никакой другой пользы изъ моихъ путешествій кромѣ этой, я все-таки не пожагѣлъ бы ни объ издержкахъ, ни объ усталости. *Le cosmopolite.*

КЪ ЯНТЪ (1)

Ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ я блуждалъ мечтал,
Хоть тамъ краса давно слыветъ чудесной;
Ни въ грезахъ сна, хоть образъ безтѣлесной
Порою въ мѣрѣ видимомъ, вздыхая,
Повсюду ищетъ сердце, — никогда я
Не зрѣлъ тебѣ подобной! Тщетно я бы
Подвижность чертъ передавать словами
Хотѣлъ. Слова для видѣвшаго слабы
И звукъ пустой для тѣхъ, кто не видали сами.

(1) Леди Чарлоттъ Гэрлей, дочери графа Оксфорда, которой въ эту эпоху (въ 1812 году) былъ еще только одиннадцатый годъ.

О еслибъ таже цѣлый вѣкъ была ты,
 Необманувъ надеждъ весны прекрасной:
 Краса съ душою чистою, хотъ страстной,
 Любви кумиръ земной, но не крылатый,
 Сіяющій невинностію ясною...

О! вѣрно та, кто съ вѣжностью лелѣетъ
 Расцвѣтъ красы твоей, его мерцаемъ
 Любуется какъ радуги сіяньемъ,
 Которое весь мракъ земныхъ скорбей разсвѣтъ.

О пери запада младая! Счастье,
 Что вдвое старше я тебя лѣтами:
 Я созерцаю тихими очами
 Расцвѣтъ красы — и не сгораю страстью.
 Блаженъ, что не узрю я увланья;
 Еще блаженнѣй, что когда младыя
 Сердца испепелятся отъ сіанья
 Твоихъ очей, — избѣгну злой судьбы я
 Нераздѣлимаго съ любовію страданья!

О пусть они, твои газельи глазки,
 Которые то кротко покоряють
 Блуждающимъ привѣтомъ тихой ласки,
 То гордо прямо свѣтомъ ослѣпляютъ, —
 Пусть пробѣгутъ страницы этой сказки
 Съ улыбкой — не любви, но дружбы нѣжной!
 Не спрашивай зачѣмъ я посвящаю
 Тебѣ, столь юной, пѣснь мою: вплетаю
 Въ вѣнецъ мой я цвѣтокъ лилеи бѣлоснѣжной.

И съ пѣснью о Гарольдѣ можетъ—статься
 Навѣкъ отнынѣ имя Янты слито;
 То первое, что́ будетъ въ ней читаться,
 Последнее, что́ будетъ позабыто.
 Когда же дни мои сочтутся въ мірѣ,
 Перстами феи прикоснись порою
 Къ замолкшей, твой расцвѣтъ воспѣвшей лирѣ!
 Я не хочу забытымъ быть тобою:
 У дружбы есть права надъ памятью людскою.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

I

О ты, чей родъ съ небесъ вела Эллада, —
 О муза, бредъ или вымыселъ пѣвцовъ,
 Всѣхъ жалкихъ лиръ истертая отрада!
 Я не зову тебя съ твоихъ верховъ...
 И я скитался вдоль рѣки хваленной,
 Вдыхалъ у запустѣвшихъ алтарей,
 Глазъ кромѣ водъ все полно жизнью сонной
 И ни одной изъ девяти, ей-ей!
 Для сказки я пустой не разбужу моей.

II

Жилъ въ Альбионѣ юноша когда-то,
 Который въ добродѣтели стезяхъ
 Не обрѣталъ отрады! Дѣламъ разврата
 День посвящалъ, пугливой ночи страхъ
 Внушалъ онъ буйствомъ. Долженъ откровенно
 Увы! сказать я: по уши въ грѣхахъ
 Погрязъ онъ, негодяй былъ совершенно;
 И въ сей юдоли лишь одно любилъ:
 Наложницъ, оргій шумъ — да всѣхъ сортовъ кутимъ.

III

Звался онъ Чайльдъ-Гарольдомъ. Но отколѣ
 То имя, и отколѣ вѣлъ онъ родъ —
 Я не скажу вамъ. Имя то народъ
 Въ вѣка бывые чтилъ: чего-жъ вамъ болѣ?
 Но имя сколь на славно булъ, порой
 Однимъ пятномъ сквернится. Никакой
 Старинный гербъ, на лживыя хваленя
 Въ стихахъ продажныхъ, въ прозѣ заказной
 Не могутъ срама скрыть, очистить преступленья.

IV

Гарольдъ, на вешнемъ солнышкѣ кружась,
 Какъ всякій мотылекъ порхалъ, началъ,
 Что краткій день его въ единый часъ
 Способна отравить судьбина злая.
 Но Чайльдъ и трети дня не пережилъ,
 Какъ вѣдать сталъ горчайшее мученье
 Изъ всѣхъ земныхъ мученій : пресыщеніе !
 И сталъ ему родимый край постыльъ,
 Пустынный и мрачнѣй, чѣмъ келья ваточенью.

V

Весь лабиринтъ грѣха онъ изслѣдилъ,
 Охоты къ исправленію неимѣя ;
 Вздыхалъ предъ всѣми, хоть одну любилъ,
 И ту — увы ! — не могъ назвать своею...
 И счастье, что судьба не отдала
 Ее тому, чьи ласки — оскверненье,
 Кѣмъ для блудницъ бы кинута была,
 Кто буйно-бъ расточилъ ея вышнере,
 Чуждъ мирныхъ радостей домашняго угла !

VI

И сердце Чайльда страшно утомилось :
 Ему бѣжать хотѣлось отъ шаровъ ;
 Слеза бы, горевать, порой скатывалась
 Изъ глазъ его, когда бы ихъ зрачковъ
 Не леденила гордость. Мрачнымъ горемъ
 Объятый, одинокій онъ бродилъ —
 И край родной покинуть вдругъ рѣшилъ
 Для жаркихъ странъ за дальнимъ снѣгомъ моремъ.
 Отъ скуки звать бѣду, палить въ адъ готовъ онъ былъ.

VII

Домъ предковъ Чайльдъ, навадъ небросивъ звора,
 Покинулъ. Замовъ мрачный былъ тотъ домъ,
 Столь ветхій, что казалось рухнетъ скоро,

Но массы сводовъ крѣпки были въ немъ.
 Почтенный монастырь! Ему, въ которомъ
 Гнѣздилося суевѣріе, — внимать
 Пафосскихъ дѣвъ нескромнымъ разговорамъ
 Пришлось и, если сказкамъ доверять,
 Былую жизнь своихъ монаховъ повторять.

VIII

Но часто средь разгула, буйства, шума
 Чело Гарольда странною тоскою
 Мрачилось. Была ли это дума
 Вражды смертельной, страсти роковой —
 Никто не зналъ и не мечталъ дознаться:
 Душа Гарольда не была одной
 Изъ мягкихъ душъ, привычкихъ изливаться;
 Совѣтовъ не искалъ онъ въ мукѣ злой
 И дружбы не хотѣлъ участіемъ утѣшаться.

IX

И не любилъ никто его, хотя
 И ближніе и дальніе бывало
 На паршествахъ его, постыдно льстя,
 Бездушные толпились объѣдалы.
 Никто!.. И ни одна изъ всѣхъ красотъ
 Продажныхъ! Роскошь — ихъ одна забота.
 Блескъ пышности влечетъ всегда Эрота,
 И женщина какъ муха къ свѣту льнетъ:
 Чтò ангелу не взять, Маммонъ всегда ворынетъ.

X

У Чайльдъ-Гарольда мать была. Ее
 Онъ не забылъ, но съ нею не простился;
 Была сестра, но въ странствіе свое
 Неповидавшись съ нею онъ пустился;
 Друзей, коль были, безъ прощанья онъ
 Покинулъ тоже; но не заключайте,
 Чтò съ грудью онъ стальною былъ рожденъ.
 О! если вамъ что мило въ свѣтѣ, смайте:
 Прощанье для души нелучше похоронъ.

XI

Свой домъ, и теплый уголь, и владѣнье,
 И дѣвъ, способныхъ прелестью своей,
 Очей лазурью, роскошью кудрей,
 Плечь бѣлизною свѣжной въ искушенье
 Вести, пылъ юной крови въ немъ
 Дразнившихъ долго; кубки драгоценнымъ
 Наполненные дѣловскимъ виномъ:
 Безъ вздоха все оставилъ онъ, влекомъ
 Желаньемъ плыть къ странамъ востока отдаленнымъ.

XII

Вѣтръ паруса наполнялъ, словно радъ
 Нести его отъ родины. Теряясь
 Вдали, утесовъ бѣлыхъ меркнетъ радъ,
 Для взора съ пѣною валовъ славаясь.
 И Чайльдъ быть-можетъ ощутилъ тогда
 Раскаянье, но въ сердцѣ запертая
 Затихла дума, и его уста
 Для жалобъ нѣмы пребыли, когда
 Кругомъ всё въ ужасѣ металися стенаа.

XIII

Но лишь спустилось въ море солнце, вдругъ
 Онъ лютию взялъ, изъ коей временами
 Онъ, неучась, умѣлъ глубокий звукъ
 Извлечь своими гибкими перстами.
 И пробѣжали пальцы по струнамъ,
 Средь сумерекъ, прелюдией прощанья.
 Корабль стрѣлою неся по волнамъ
 И берегъ все тусклѣй мелькалъ очамъ,
 А онъ морскимъ валамъ пѣлъ пѣсню разставанья.

I

У Прости, прощай, мой край родной!
 Въ волнахъ ужъ берегъ тонетъ;
 Свиститъ и воетъ вѣтръ ночной
 И чайка дико стонетъ.

Ухлѣтъ солнце въ дальній край,
 Стремимъ свой бѣгъ за нимъ мы.
 Прощай же солнцу и прощай,
 Прости мой край родимый ! X

II

Завтра вновь оно взойдетъ,
 Разсѣявъ тьму ночную ;
 Увижу море, неба сводъ,
 Но не страну родную.
 Покинуть мной домъ старый мой,
 Въ немъ плѣсень все покроетъ ;
 Дворъ поростетъ густой травой,
 Песъ у воротъ завоюетъ.

III

Поли ко мнѣ ты, пажикъ мой !
 О чемъ твое рыданье ?
 Иль страшень вѣтра дикій вой
 Да бездны колыханье ?
 Отри ты слезы : крѣпокъ нашъ
 Корабль ; онъ не потонетъ
 И мчится быстро ; насъ, мой пажъ,
 И соколъ не догонитъ.

IV

«Пусть воетъ вѣтръ и волны пусть
 «Бушуютъ — нѣтъ мнѣ дѣла !
 «Но не дивись, сэръ Чайльдъ, что грусть
 «Мнѣ душу одолѣла.
 «Съ роднымъ отцомъ разстался я
 «Да съ матерью любимой :
 «Она одинъ мой другъ,
 «Да ты... да Богъ незримой.

V

«Безъ жалобъ смогъ отецъ мнѣ дать
 «На путь благословенье,

«Но матери не осушать
 «Очей до возвращенья!»
 Ну будетъ, будетъ, пажикъ мой!
 Понятны слезы... Боже!
 Съ такой невинною душой
 И я бы плакалъ тоже.

VI

Приблизься, вѣрный мой слуга!
 Ты блѣденъ: что съ тобою?
 Бовшись ль Франка ты врага,
 Или валонъ прибою?
 «Не думай ты, сэръ Чайльдъ, что я
 «За жизнь свою робѣю...
 «Но лишь придетъ на умъ семья,
 «Невольню я блѣднѣю.

VII

«Жену съ дѣтми въ родной странѣ
 «Я бросилъ уѣзжая...
 «Коль дѣти спросятъ обо мнѣ,
 «Что скажетъ имъ родная?»
 Слуга мой вѣрный, правъ ты, правъ!
 И чту твою печаль я;
 Но у меня знать легче правъ:
 Смѣясь пускаюсь въ даль я.

VIII

Жены ль, любовницы ли чьей?
 Не много стоитъ горе,
 И слезы голубыхъ очей
 Другой осушить вскорѣ.
 Не жаль мнѣ ровно никого
 И въ томъ мое проклятье,
 Что нѣтъ на свѣтѣ ничего,
 О чемъ бы сталъ вздыхать я.

IX

И вотъ одинъ на свѣтѣ я
 Въ широкомъ, вольномъ морѣ...
 Кому печаль судьба моя ?
 Что мнѣ чужое горе ?
 Пусть воетъ песъ ! Его чужой
 Накормить, приласкаетъ...
 Когда вернуся я домой,
 Онъ на меня залаетъ.

X

Лети, корабль, и глубину
 Ты разсѣikai морскую :
 Неси въ любую сторону,
 Лишь не въ мою родную !
 Привѣтъ, привѣтъ, о волны, вамъ !
 Когда же голубая
 Наскучить выѣтъ, — привѣтъ степямъ !
 Прощай, страна родная !

XIV

Корабль же все летитъ. Земля давно
 Ушла изъ глазъ, а глубина бурлива
 Безсоннаго Бискайскаго залива.
 Четыре дня прошло тяжолыхъ, но
 На пятый взорамъ новый брегъ мелькаетъ,
 Вотъ горы Синтры, вотъ и Тагъ въ заливъ
 Струй золотыхъ обычну даяъ ввергаетъ,
 И лузитанскій коричнй ужъ встрѣчаетъ
 Корабль, несущійся средь пажитей и нивъ.

XV

Владыка-боже ! посмотрѣть отраднo,
 Какъ щедро небомъ край благословленъ !
 Что за плоды въ тѣни деревь прохладной,
 Что на холмахъ за видъ со всѣхъ сторонъ !
 Но всѣ дары осквернены людскою

Рукою нечестивой, и когда
 Всевышній громомъ грянетъ въ день суда, —
 Громъ разразится местію тройною
 Надъ гальской, племенамъ враждебною ордою (1).

XVI

Въ какой краѣ предъ взоромъ Лиссабонъ
 Раскинуть! Какъ онъ весело глядится
 Въ потокъ, который золотомъ струится
 Въ мечтахъ пѣвцовъ! Державный Альбіонъ
 Судами Тагъ своими наполняетъ
 И лузитанскій берегъ охраняетъ
 Могучею рукою; а народъ
 Ту руку и лобзаетъ и кланетъ,
 Которая его отъ хищника спасаетъ.

XVII

Но только путникъ на берегъ сойдетъ,
 Онъ городъ, раемъ издали небеснымъ
 Казавшійся, озлобленно кланетъ,
 Испуганъ безобразьемъ повсемѣстнымъ.
 Дворцы-ль, дома-ль, — заражены одной
 Зловонной неопрятности заразой;
 И высшій классъ, и даже свѣтъ большой,
 Въ грязи весь вѣкъ, сжилась съ нечистотой,
 Какъ пораженные египетской проказой.

XVIII

О жалкіе рабы, которыхъ край
 Природа надѣлила чудесами!
 Вотъ передъ взоромъ Синтра: дивный рай
 Долинъ, пересѣкаемыхъ горами...
 О! чье перо, чья кисть изобразятъ
 Хотъ въ половину то, что смертный взглядъ

(1) «Чайльд-Гарольдъ» (кроме послѣдней пѣсни) писанъ во время владычества Наполеона, борьбы съ нимъ Англій и героической національной войны Испаніи. Почти всѣ послѣдующія строфы содержатъ въ себѣ намеки на событія того времени.

Безсмертными чаруетъ красотами
 Въ краю волшебномъ, гдѣ осуществленъ
 Элизіумъ, пѣвцовъ великолѣпный сонъ.

XIX

Утесы мрачныя, съ монастырями,
 Повисшими на скатахъ ихъ вершинъ;
 Мохъ, потемненный жгучими лучами,
 Кусты безъ свѣта въ глубинѣ долинъ;
 Лазурь равнины моря, тихо сиящей,
 Потоковъ горныхъ брызги; апельсинъ,
 Средь зелени какъ золото горящій;
 Тамъ вѣтви ивъ, тутъ виноградъ виситъ: —
 Разнообразіемъ великолѣпный видъ!

XX

Кривой тропинкой подымаясь въ гору,
 Оглядывайтесь чаще вы назадъ...
 Что вверхъ ни шагъ — являться будетъ взору
 Все новый рядъ картинъ. Достигнувъ вратъ
 Монастыря «Малонны всѣхъ скорбящихъ»,
 Войдите. О мощахъ вамъ черный братъ
 Повѣдаетъ, о мертвецахъ бродящихъ,
 О томъ, какъ тутъ въ пещерахъ близлежащихъ
 Онорій обращалъ для рая землю въ адъ.

XXI

А тамъ и сямъ, скользя надъ страшной бездной,
 Вы по тропинкѣ встрѣтите кресты
 Изъ дерева: — не набожности мѣстной,
 Кровавыхъ дѣлъ непрочные слѣды:
 Гдѣ подъ ножомъ убійцы, съ смертнымъ стономъ
 Погибла жертва, вѣрно водружомъ
 Подобный крестъ; въ горахъ, въ долинахъ онъ
 Не рѣдкость. Жизнь въ краю блаженномъ ономъ
 Не обезпечена заботливымъ закономъ.

XXII

Въ долинахъ ли, на скатахъ ли холмовъ,
 Повсюду виавы замки ведачавы:
 Жилище королей — приютъ цвѣтовъ
 Пустынный вывѣ; но бывалой славы
 Еще досель хранятъ они слѣды.
 Тамъ свой дворець построилъ Ватекъ, ты ⁽¹⁾,
 Богатый сынъ Британіи, на диво
 Въ камъ, — забыть, что миръ души путливо
 Бѣжитъ отъ прихотей роскошной суеты.

XXIII

Здѣсь жилъ ты, здѣсь подъ сѣнью горъ ты планы
 Роскошныхъ наслажденій создавалъ!
 Но нынѣ, какъ проклятію преданный,
 Добычей запустѣнья домъ твой сталъ;
 И путаясь въ растительности дикой
 Безплодныхъ травъ, до портиковъ и залъ
 Съ трудомъ приходишь: новый и великій
 Урокъ тщеты всѣхъ нашихъ благъ земныхъ!
 Однѣ развалины останутся отъ нихъ.

XXIV

Вотъ замокъ, гдѣ сходилъ океанный
 Совѣтъ вельможъ — британцу гнусный видъ ⁽¹⁾!
 Безумства діадимомъ вѣнчанный,
 Насмѣшливый бѣсенокъ тутъ сидѣтъ
 Въ порфирѣ изъ пергамента, съ печатью
 И чернымъ свиткомъ. Демонъ имъ клеймитъ
 Родовъ великихъ много; и проклятію
 Ихъ обрекая, доблестныхъ именъ
 Вамъ кажетъ подписи съ влораднымъ смѣхомъ онъ.

(1) -Vatheck — говоритъ Байронъ — одна изъ книгъ, которыя наиболее нравились мнѣ въ моей молодости.

(1) Замокъ маркиза Марьяльвы, гдѣ была подписана ситрская конвенція.

XXV

«Конвенція» зовется гонимъ сей гнусный.
 Въ Марьяльвскомъ заикѣ молча онъ лезилъ
 Савонниковъ (моль молча у никъ лишь былъ)
 И обратилъ веселье въ ропотъ грустный.
 Трофеи войнъ попраде Гаупость тутъ,
 Надъ святой насмѣлся Ковъ искусный:
 Напрасно лавры для вождей цѣвуть,
 Вотще триумфъ на Лузитанскомъ морѣ!
 Здѣсь побѣдителямъ, не побѣжденнымъ горе.

XXVI

О Синтра! Брвуть при имени твоёмъ
 Со дня того кошачаго снѣдана
 Блѣднѣтъ; лишь румянцемъ непокрыто
 Лицо министровъ нашихъ съ мѣднымъ лбомъ.
 Какъ дѣло это назоветъ потомство?
 Передъ судомъ племенъ не стыдъ ли намъ,
 Что побѣжденныхъ отдало врагамъ
 Трофеи побѣдившихъ въроломство?
 И васъ за то въ вѣкахъ не ждётъ ли вѣчный срамъ?

XXVII

Такъ думалъ Чайльдъ, бродя въ уединеньи
 По высимъ. Миръ еялъ какъ рай земной
 Кругомъ, а онъ все въ даль рвался душой
 Непостояннѣй ласточки въ стремленьи,
 И надъ собой тогда ему веразъ
 Случалось быть въ моральномъ размышленьи;
 Презрѣнне разсудка строгіи тласъ
 Внущалъ къ безумствамъ юности востыдной,
 Но отвращался взоръ отъ истины обидной.

XXVIII

Въ путь, въ путь! Бѣжать рѣшился онъ, бѣжать
 Отъ мирныхъ мѣстъ, гдѣ снова ощущала
 Душа покой; но онъ уже искать

Въ продажныхъ ласкахъ и на днѣ бокала
 Отрадъ не станеть. Въ даль онъ путь стремить,
 Скитальчеству конца неполагая,
 И не одна предъ нимъ страна чужая
 Мелькнеть, пока онъ жажду утолитъ,
 Пока въ вѣкъ омытъ вѣвъ сердечный охладитъ.

XXIX

Его задержать Мафра на мгновенье :
 Помѣшанной властительницы домъ ⁽¹⁾,
 Гдѣ церковь сочеталася съ дворомъ
 И бальный шумъ смѣняло клира пѣнье —
 Монастыря и суеты смѣшенье!..
 И съ роскошью такою тутъ чертогъ
 Воздвигнуть вавилонскою блудницей,
 Что, кровь забывъ, народъ лежитъ у ногъ
 Грѣха, прикрытаго блестящей багрянцей.

XXX

По злачнымъ доламъ, по прутымъ холмамъ,
 (Зачѣмъ рабамъ сей дивный край достался?)
 По радующимъ взоры сторонамъ
 Гарольда путь широкій разстился.
 О, пусть лѣнивцамъ жажда странствій — вздоръ :
 Имъ, непривыкшимъ съ кресломъ разставаться, —
 Не знать блаженства по свѣту скитаться,
 И не вдыхать свободный воздухъ горь,
 И жизни новою струей не уживаться!

XXXI

Холмы блѣднѣя скрывалися вдали —
 И видомъ скромной болѣе картины
 Смѣнились безграничныя равнины,
 И безъ конца предъ взорами легли
 Испаніи поля и луговины :

(1) «Ея величество — пишетъ Байронъ въ замѣткахъ — сошла съ ума, и докторъ Умилльсъ, столь искусный въ леченіи королевскихъ череповъ, не сдѣлалъ съ ея черепомъ.» Королева скончалась въ 1816 г. въ Бразиліи.

Стадъ мягкорунныхъ пажити, купцамъ
 Знакомыхъ чужеземнымъ. Но в самъ
 Пастухъ вооружился здѣсь за стадо:
 Враги въ краю; изгнать влз покориться надо.

XXXII

Гдѣ Лузитанія сошлась съ сестрой, —
 Вы знаете-ль что служить имъ границей?
 Царицу раздѣляютъ тутъ съ царицей
 Не Тагъ своей могучею волной,
 Не сумрачной Сіарры высь крутая,
 И не стѣна громадная Китая
 Поставлена соперницамъ межой;
 Ни скалъ, ни горъ, на тѣ похожихъ горы,
 Которыя страшатъ на грани гальской взоры.

XXXIII

Между двухъ царствъ чуть видной полосой
 Лишь ручеекъ серебряный тихо льется...
 Едва онъ в по имени зовется!
 А тамъ за нимъ, склонясь на посохъ свой,
 Пастухъ съ лѣнливой гордостью възираетъ
 На мирный токъ, который раздѣляетъ
 Враговъ заклятыхъ. Горькъ поселянинъ
 Въ Испаніи какъ знатный дворянинъ,
 И лузитанскаго раба онъ презираетъ.

XXXIV

Но лишь рубежъ ничтожный перейдетъ,
 Волнѣ Гвадіаны мрачной и сердитой
 Вамъ слышится немолчно бурный стогъ, —
 Рѣки въ романахъ древнихъ знаменитой.
 Вступали рыцари и мавры въ бой,
 Доспѣхами сіяя, тутъ бывало;
 Тутъ кровь лилась, тутъ много сильныхъ пало
 И были поглощаемы порой
 Чалма и шлемъ одной кровавою волной.

XXXV

Испанія, страна чудесъ и славы!
 Гдѣ стая въ горахъ Пелагомъ поднятой,
 Когда толпы чужія въ край родной
 Предательски призывалъ родитель Кавы (1)
 И готской кровью враспались ручьи?
 Въ тотъ вѣкъ борьбы, побѣдны и провалы:
 Влились по вѣтру знамена твои,
 Гоня враговъ до крайняго предѣла —
 И предъ сіяніемъ креста луна бѣднѣла.

XXXVI

И прошлой славы вѣсны не помнилъ?
 Единый вѣчный памятникъ герою!..
 Вѣка граниты обращаютъ въ пыль:
 Хранится подвигъ пѣснью простою.
 О, Гордость! съ неба взоры да сойдутъ
 Твои на землю: доблесть въ пѣснѣхъ окрестъ.
 Распались камни, хартіи гниютъ,
 Замохла лѣсть, кающаго поздній судъ
 Исторіи — тебѣ преданіе защита!

XXXVII

Проснись, вставай, Испанія! скорѣй!
 Зоветь богиня рыцарства и брани.
 Но не копье, какъ встарь, у ней во длани,
 Не съ гривой шлемъ колышется на ней:
 Сквозь огонь и дымъ орудіи разнагоныхъ
 Она летать и тысячью громовъ
 Гудить: «впередъ! рази непокорныхъ!»
 И чтожь? ужель теперь на бранный зовъ
 Возстанеть менѣе, чѣмъ встарь, твоихъ сыновъ?

XXXVIII

Чу! не копыть ли топотъ въ слухъ несется?

(1) Имя дочери графа Хуліана, призвавшаго въ Испанію мавровъ.

Не шумъ ли битвы слышно раздастся?
 Не жертвы-ль погибаютъ подъ мечемъ?
 Скорѣе! Братья падаютъ рядами
 Передъ тираномъ и его рабомъ!
 Сверкаетъ смерть по воздуху огнями,
 Отъ скалъ до скалъ разноситъ вѣсты громъ,
 Что тысячи людей не дышать болѣ,
 И Битвы ярый духъ дарить на смертномъ полѣ.

XXXIX

Вотъ онъ, Гигантъ, стоитъ на высъ горѣ:
 Кривые власы на солнцѣ блещутъ...
 Перуны смерти мачи быстро мещутъ:
 Жгутъ очи все, на что ни кинуть взоръ,
 То медленно вращаясь, то сверкая
 Недвижно. Истребленіе лежитъ
 У ногъ его, злорадно жертвъ считая,
 Гіены лютость шныфъ утолять
 Убийственной рѣзни прехъ націй страшный видъ.

XL

И подлинно, картина — заглядѣнье!
 (Коль нѣтъ друзей и братьевъ средь рядовъ)
 Сверканье сабель, ружей и штыковъ
 И шарфовъ разноцвѣтное смѣшенье!
 Войны борзые ринулись вчередъ
 И на добычу когти выпускаютъ...
 Всѣ гонятся... но всѣ ли настѣгаютъ?
 Часть лучшую улова Гробъ беретъ,
 Убийство съ радости дерзаетъ трущамъ считать,

XLI

Три разныхъ войска жертвы тутъ приносятъ,
 Три аэма подъ сѣбно трехъ знаменъ
 Молитвы къ небу страшныя возносятъ.
 Побѣда — кликъ ихъ; лозунгъ — Альбионъ,
 Испанія и Фравція. Сражаются
 Сошлись тутъ врагъ и жертва, и вступаться
 Обыкшій тщетно за другихъ патронъ,

Какъ—будто дома смерти вѣтъ ихъ болѣ
И любо утучнять имъ Таланеры поле.

XLII

Тамъ гнить имъ — честолюбіе шутамъ !
Но слава дернъ могильный ихъ вѣнчаетъ...
Соизмъ ! Что вѣсь лавать пустымъ словамъ ?
Орудія они, я разбиваетъ
Ихъ мѣрами тиранъ, когда
Онъ смѣло по людскимъ сердцамъ шагаетъ,
Прокладывая путь себѣ... куда ?
Цѣль — только призракъ. Собственностью можетъ
Назвать тиранъ лишь гробъ, гдѣ червь его изложетъ.

XLIII

О, Альбуэры доль ! Когда тобой,
Коня прищпоривъ, мчался странникъ мой,
Кто вѣдать могъ, о поле грозной славы,
Что на тебѣ свершится споръ кровавый ?
Миръ падшимъ ! Да вѣнчаютъ лавры ихъ,
Да оросятъ слеза ихъ прахъ ! Доколѣ
Свидѣтелемъ столь доблестныхъ вѣныхъ
Не будетъ похоронъ иное поле, —
Ихъ слава не умретъ въ преданьяхъ вѣковыхъ !

XLIV

Но будетъ о любимцахъ битвъ и славы !
Пусть жизнь она бросаютъ для забавы
Иль ради чести, прахъ ихъ оживитъ
Безсмьльной... Тысячи для возвышенья
Тирановъ гибли, съ мыслию служенья
Отчизнѣ. Жалко было бы лишать
Наемниковъ наивныхъ смерти честной :
Ждала ихъ гибель въ бунтахъ можетъ—быть,
Иль даже на стезѣ грабительства безвѣстной.

XLV

Гарольдъ промчался быстро одинокъ,

До стѣнъ Севильи, вольностью вздвигнутой...
 Увы! вотще! Для ней, для возмездной,
 Добычи хищника ужь близокъ срокъ...
 Красу ея безжалостной стопою
 Придетъ Завоеваніе пятнать.
 Ему вездѣ дано торжествовать
 Съ голодною и буйною ордою:
 Иначе-бъ Тиръ не палъ, могъ Иліонъ стоять.

XLVI

Но о грядущемъ днѣ непомышляя,
 Всѣ въ пѣсни тамъ, въ пирѣ погружены,
 И дни въ забавахъ странныхъ расточая,
 Не страдаютъ ранами родной страны...
 Не трубы тамъ звучать, — любви цѣвницы;
 Развратъ, со взоромъ вѣчно юнымъ, тамъ
 Полуночныя водить вереницы,
 И посреди пѣшыхъ злодѣйствъ столицы
 Все такъ же липнетъ грѣхъ къ готовымъ пасть стѣнамъ.

XLVII

Не такъ поселенивъ... Онъ, страхомъ мучимъ,
 Съ подругой прячется и обратитъ
 Не смѣетъ взоръ на виноградъ свой, жгучимъ
 Дыханьемъ войны спаленный можетъ-быть.
 Не слышны при вечернемъ звѣздъ мерцаньѣ
 Фанданго звуки, кастаньетъ бряцанье.
 Цари! Когда бы радостей вкусить
 Вы вашею могли смущенныхъ властью, —
 Замолкъ бы барабанъ, и міръ узналъ бы счастье.

XLVIII

О чемъ поютъ погонщики муловъ?
 Любви-ль романсъ ихъ пѣсня, гимнъ ли Богу,
 Которые съ бряцаньемъ позвонковъ
 Имъ сокращали вѣкогда дорогу?
 О вѣтъ: поютъ они «Viva el rey!» (1)

(1) «Viva el rey Fernando!» — призывъ всѣхъ испанскихъ патриотическихъ пѣ-

Съ проклятыми те Барлу, во Годюю,
 То дню, въ который черный блескъ очей
 Опуталъ королеву властью злою...
 Измѣна рождена Бладомъ въ тотъ день скорбей.

XLIX

Вонъ на широкѣмъ, ровномъ полѣ пашни,
 Гдѣ по мѣстамъ лишь видится вдали
 Скала съ остаткомъ старой маврской башни, —
 Копытами израненъ грунтъ земли;
 Чернѣетъ дернъ, огнемъ неостровъ сожженный...
 Здѣсь врагъ стоялъ, былъ стѣнъ иноземный!
 И вамъ о томъ, какъ смѣло разнесли
 Гнѣздо дракона, селящихъ радкажетъ
 И гордо на утесъ отбитый имъ упадетъ.

L

И насто будутъ вамъ на воѣжъ путяхъ
 Съ пунцовымъ бантомъ шляпы попадаться (1).
 То вѣрный признакъ: другъ идетъ или врагъ!
 Бѣда тому, кто смѣетъ показаться
 Безъ вывѣсна законности въ народъ!
 Кинжалъ остеръ и мѣтко въ сердце бьетъ...
 Пришлось бы галламъ плачо расчитаться,
 Когда бы пуцекъ дымъ разсвѣтъ могъ
 И сабли притумить таящійся каиннокъ.

LI

Стенаютъ выси мрачныя Морены
 Подъ тяжестью воинскихъ батарей.
 Вездѣ, куда лишь смертныхъ взоръ очей
 Достигнуть можетъ, — земляныя стѣны,
 Окопы, рвы налитые водой,
 Сторожевыя вѣкты, палисады,
 Складъ пороху подъ каждою скалой,

сень той эпохи, направленныхъ противъ прежняго короля Карла, королевы и князя мира (Годюя).

(1) Шляпы съ пуццовой кокардой и съ именемъ Фернандо VII.

Подъ кровлей хищницъ конь готовый въ бой
И ядеръ пушечныхъ трехгранныя громады (1).

LII

Все боя ждешь... Но тотъ, кто низвергалъ
Всѣхъ деспотовъ слабѣйшихъ маговельемъ,
Еще десницы твоей не поддалъ,
Даетъ какъ-будто отдыхъ предъ сраженьемъ...
Но скоро легионы двинутъ онъ;
Въ немъ божій Бичъ признаетъ мѣръ въ божьей,
И лишь расправитъ гальскій корнукъ крылья,
Раздастся, о Испанія! твой стонъ...
Оплачешь дорогихъ ты много похоронъ.

LIII

О неужель и молодость и силы
И мужество предъ Хищнымъ цастъ должны,
Средины нѣтъ межъ рабства и могилы,
Межъ торжествомъ разбоя и страны
Погибелью? И Власть, что Провидѣемъ
Зовемъ мы, жертвъ не тронется моленьемъ?
И тщетны ниль отчаянной войны,
Совѣтовъ мудрость, къ родинѣ святая
Любовь, жаръ юности и грудь мужей стальная?

LIV

Свою гитару къ ивѣ привязавъ,
Испанія вооружилась дѣва,
И полъ забывъ и тяжкій мечъ поддалъ,
Запѣла пѣсню мщенія и гнѣва.
Блѣднѣвшая при еднѣ разѣ однимъ,
Пугавшая союзъ ночного крика,
Она теперь не дрогнетъ предъ штыкомъ...
По теплымъ трупамъ, сквозь огонь и громъ,
Минерва юная какъ Марсъ несется дико.

(1) Ядра кладутся, какъ известно, пирамидальными кучами.

LV

Вы, кто дивясь теперь о ней расказъ
 Внимаєте, — когда бъ ее видали
 Вы въ пору мира, еслибъ черныхъ-глазъ,
 Мрачнѣвшихъ черноту ея вуали,
 Вы знали блескъ, рѣчь мнѣкую слышали
 И зрѣли кудри длинныя, и весь
 Ея воздушно-женскій образъ, — здѣсь,
 На стѣнахъ Сарагоссы, вы-бъ едали
 Ее безстрашную и грозную узнали.

LVI

Любовникъ палъ — не время слезы лить!
 Сражонъ ли вождь — онъ ею замѣстится!
 Бѣгутъ свои — ихъ ей остановить!
 Врагъ отступилъ — за нимъ она стремится!
 Кто друга тѣнь помянетъ какъ она?
 Кѣмъ смерть вождя достойнѣй отмщена?
 Кѣмъ мужество усталыхъ подкрѣнится?
 И галлъ отъ осаждаемой стѣны
 Бѣжитъ въ смятеніи, сражонъ рукой жены.

LVII

Но ты не амазонкою родилась,
 О дочь Испаніи! Ты создана
 Для чаръ любви, и ежели равна
 Мужамъ отвагой, въ бой ты устремилась —
 Голубки то врага клюющей гнѣвъ
 За раны голубя. Но чистотою
 Сердечной, не отвагой — нашихъ дѣвъ
 Затмишь ты съ ихъ докучной болтовнею:
 Душой ты выше ихъ, не ниже красотою.

LVIII

Печать перстовъ Любви на ямкахъ щекъ
 И въ нихъ сокрытый рой очарованій...
 Гнѣздо готовыхъ выпорхнуть лобзаній —

Уста; но храбрый лишь доселѣ могъ
 Коснуться идѣ! Взоръ дикю блещаетъ
 Красой, и пусть ей Фебъ ланты жгють:
 Отъ жгучихъ ласкъ ярчай она сіяетъ...
 Кто двѣ юга сѣверныхъ красоть
 Увило—блѣдный видъ и власть предпочтетъ?

LIX

О вы, края воссвѣтаго востока,
 Гаремы странъ, гдѣ вышѣ въ честь красоть
 И для циническаго чистыхъ оза,
 Я гимнъ пою: — кто гурию дерзнетъ,
 Которую за занертою дверью
 Отъ самыхъ вѣтровъ ревность стережють,
 Сравнить съ блестяще-смуглой, вольной дочерью
 Испаніи? Здѣсь, о востокъ! узнай,
 Пророка твоего дѣвъ черноокихъ рай.

LX

Парнасъ! не въ грезѣ мною нынѣ зримый (!),
 Не сквозь покровъ узорчатый стиховъ,
 Но въ одѣяньи сумрачномъ снѣговъ,
 Подъ высью неба твоего родимой,
 Въ величьи дикомъ горной красоты!..
 Что я пою, ужель дивишься ты?
 Мнѣ, страннику смиренному утѣха,
 Какъ всѣмъ инымъ — будить бывшее эхо,
 Но музы не летать ужъ больше съ высоты.

LXI

Я о тебѣ, — чье имя только тотъ
 Незналъ, кто чуждъ всему, чѣмъ жизнь земная
 Возвышена, — мечталъ неразъ, и вотъ
 Нѣмѣю же въ виду твоихъ высотъ,
 Стыжуся звуковъ слабыхъ, и когда я
 Былыхъ пѣвцовъ твоихъ припоминаю,
 Невольный страхъ мой колѣна гнетъ...

(!) Эти строфы писаны Байрономъ въ Греціи.

Я только взоры къ облачной вершинѣ
Стремлю, восторженный, что зрима ты мною нѣмѣ.

LXII

Счастливей многихъ славныхъ бардовъ снѣгъ,
Прикованныхъ судьбой къ родной ихъ дали,
Узрѣть я могъ лѣ, хладно-недвижимъ,
Тебя, по комъ незрѣвшіе пылали?..
Пусть Фебъ теперь пещерь не посѣтаетъ,
Пусть ты, жилище музъ — ихъ гробъ... Паритъ
Какой-то духъ здѣсь... онъ досель витаетъ
Въ пещерахъ, въ вѣтра шелестѣ въздыхаетъ
И легкою ногой по зыби волнъ скользитъ.

LXIII

Но о тебѣ впоследствии. Невольно,
Ходъ пѣсни для тебя прервавъ своей,
Испаніи сыновъ и дочерей
Судьбу, родную каждой груди вольной,
Забывъ, — привѣтъ я приносилъ твоей
Вершинѣ — не безъ слезъ быть-можетъ. Снова
За прежнее теперь! Но мнѣ сорвать
Дозволь ты съ древа Дафны лавровый
Въ залогъ, что вновь тебя мнѣ дастся воссѣвать.

LXIV

Но никогда въ дни Греціи младые,
О Пиндъ! у исполинскихъ стопъ твоихъ
Не собирались хоры дѣвъ такіе;
Ни Дельфы въ дни, какъ пѣла жрица ихъ
Пифійскій гимнъ въ восторгахъ неземныхъ,
Красотъ не знали, — вдохновенныхъ дашей
Достойнѣй андалузянокъ младыхъ,
Вращенныхъ жаркимъ воздухомъ желаній...
О Греція! зачѣмъ тамъ нѣтъ ихъ рощъ твоихъ?

LXV

Прекрасна гордая Севилья... Только,

Гордись бы и вышностью своей
 И древностью, — Кадись къ себѣ смѣлѣй
 Приманкой милой тянуть, хоть нестолько
 Высокой... Полнь соблазновъ, о порокъ!
 Твой путь. Кого, въ комъ кровь кипитъ малая,
 Твой взоръ, о тѣла съ ликомъ духа рая,
 Чарующею силою не влекъ?
 Ты ловишь въ сѣти насъ, по вкусамъ видъ мѣнилъ.

LXVI

Когда Пафосъ былъ Временемъ снесенъ,
 (Сама царица всѣхъ покорна власти
 Проклятаго) — ушли забавы страсти
 Подъ новый, столь же теплый небосклонъ.
 Измѣнчива во всемъ, во изначала
 Вѣрна родному морю, здѣсь своей
 Державы центръ Киприда основала —
 И тысячи блестящихъ алтарей
 Возносятъ къ небу здѣсь дымъ жертвенныхъ огней.

LXVII

Съ утра до ночи, съ ночи до поры
 Какъ утро, изумляясь и краснѣя
 Освятить тѣжъ разгульные пиры,
 Несутся пѣсни; новая затѣя
 Безумства старую смѣняетъ... Тотъ
 Съ разсудкомъ распростись, кто здѣсь живетъ.
 Веселыхъ пиршествъ здѣсь не прерываетъ
 Ничто... Обрядъ лишь вѣру замѣняетъ
 И съ ханжествомъ любовь здѣсь объ руку идетъ.

LXVIII

Приходить день молитвы, воскресенье.
 Чтожъ? въ христіаннѣйшемъ краю кановъ
 Сей день? О! торжество на удивленье!
 Чу! слышите-ль вы ревъ царя льсовъ?
 Ломая копы, поздри раздувая,
 Онъ свѣжую выдыхаетъ кровь, борцовъ
 И коней ихъ рогами визвергая.

Зовутъ другихъ. И видъ кровавыхъ грудь
Глазъ женскихъ не страшатъ притворно даже тутъ.

LXIX

То день седьмой, то праздникъ человѣка...
О Лондонъ! Не таковъ онъ въ вѣкъ изъ вѣка
Въ тебѣ ведется... Приодѣлся твой
Почтенный гражданинъ; мастеровой
Умылся; подмастерье причесался...
На вольный воздухъ всякъ изъ нихъ помчался...
Фиакровъ, виски, одноколокъ рой
Въ Гемпстидъ, Брентфордъ, Гарро летитъ стрѣлою,
Обруганъ злобно вслѣдъ всей пѣшею толпою.

LXX

На Темзѣ дамы въ лентахъ и цвѣтахъ
Катаются, или такъ же разодѣты
Гуляютъ на ричмондскихъ высотахъ,
А кто стремится даже до Гайгета...
Зачѣмъ? Увы! отвѣтъ и дамъ ли вамъ,
О роца віотійскія?.. Чтобъ тамъ
Таинственному рогу поклоняться,
Торжественно предъ этимъ рогомъ клясться,
Предъ нимъ плясать и шить по цѣлымъ по ночамъ (1).

LXXI

Есть глупости вездѣ, но не такія,
Какія градъ Кадиксъ въ себѣ хранитъ...
Едва лишь девять утра прозвонитъ —
Сейчасъ за четки жители-святые,
Пречистой дѣвѣ каюсь (въ сей странѣ
Единственной) въ немалыхъ преступленьяхъ,
Которыхъ ровно столько же числомъ
Какъ богомольцевъ. Въ циркъ бѣгутъ потомъ
И старъ и младъ, равно безумны въ наслажденьяхъ.

(1) Насмѣшка надъ обычаемъ давать клятвы предъ какимъ-то священнымъ рогомъ въ Гайгетѣ.

LXXII

Ужь циркъ открытъ, арена отперта :
 Кругомъ разовлещь тьсящи тѣвися...
 Гораздо ранѣе, чѣмъ раздалася
 Труба впервые, занаты мѣста...
 Здѣсь донны, гранды, дамы особливо
 Въ наукѣ сердце взорами разить
 Искусныя, но сами боль лечить
 Спѣшашія всегда нетерпѣливо...
 Самимъ пѣвцамъ луны ихъ незачто винить.

LXXIII

Звонъ языковъ затихъ. Въѣзжаютъ смѣло
 Въ опасный кругъ на статныхъ бѣгунахъ
 Четыре всадника. Блестяще-бѣлой
 Плюмажъ на токахъ, шпоры на ногахъ
 Изъ золота, и конья въ ихъ рукахъ.
 Они, кругомъ раскланиваясь, къ бою
 Готовятся. Побѣду награждать
 Восторга кликъ и дамъ привѣтный взглядъ,
 Все что толпа даетъ царю или герою.

LXXIV

Весь въ золотѣ, завернутый плащемъ,
 Но нѣшій, матадоръ въ среднѣ стоя,
 Горитъ желаньемъ мѣряться съ царемъ
 Мычащихъ стадъ, во поле боевое
 Обзорѣваетъ прежде онъ кругомъ.
 Лишь дротикъ у него. Ему сражаться
 Издалека: на большее дерзнетъ
 Едвали смертный безъ коня рѣшиться!
 И часто вѣрный другъ за всадника падеть.

LXXV

Чу! данъ сигналъ: три раза прозвучала
 Труба... Открыто логовище; ждетъ
 Толпа нѣмая, страшно замычала

Т. XII. — Отд. I.

Могучее животное — и вотъ
 Однимъ скачкомъ средѣ арены стало,
 Вращаетъ очи ; звонкимъ землю бьетъ
 Копытомъ, но не съ самаго начала,
 Не слышно въ бой кидается съ врагомъ :
 Крутить рога оно и гнѣвнымъ бьетъ хвостомъ.

LXXVI

Вдругъ стало, взглядъ недвиженъ... Прочь скорѣй,
 Безумецъ конный, и готовъ копые ты !
 Теперь минута — съ жизнью кончить счеты,
 Иль ярость звѣря обмануть своей
 Отвагой ловкой. Впору выручаютъ
 Лихіе кони !.. Съ пѣной у ноздрей
 Стремится онъ, но ранъ не избѣгаетъ ;
 По бедамъ льется кровь. Копье летитъ,
 Вслѣдъ за копьемъ, ярься отъ боли, онъ мычитъ...

LXXVII

Вновь онъ идетъ... Ни копыя и ни стрѣлы,
 Ни дикій скокъ матущихся коней
 Не остановятъ пылъ разсвирѣпѣлый.
 Ничтожно и оружіе людей,
 Ничтожны передъ нимъ и люди сами.
 Ужь конь одинъ простертый мертвъ лежитъ ;
 Другой — съ утробой прорванной, съ кишками
 Наружи (страшный видъ!) — еще бѣжитъ
 Шатаясь, и борца отъ гибели онъ мчитъ.

LXXVIII

Отъ ярости и боли изступленный,
 Изъязвленный, весь копыями прозенный,
 Въ срединѣ цѣрка и враговъ кругомъ
 Невидя, сталъ онъ въ бѣшенствѣ нѣмомъ :
 Вотъ тутъ-то матадоры съ нимъ играють,
 И краснымъ передъ нимъ вертять плащемъ,
 И копыями сверкають. Напрягаетъ
 Послѣднія онъ силы — тщетный пылъ !
 Свирѣпыя глаза ужъ красный плащъ покрывъ.

LXXIX

Туда, гдѣ шея достая съ спиною
 Сочленена, мѣтъ смертницѣ входятъ вѣсь.
 Стоитъ, вздрогнулъ онъ только, но и здѣсь
 Не отступаетъ передъ смертнью злою :
 Онъ тихо наконецъ валится тутъ
 Среди побѣдныхъ кляцоръ, безъ стѣнаний.
 Въѣзжаетъ колесница, трупъ кладутъ
 Торжественно подъ громъ рукоплесканій
 И кони молниѣно грузъ тяжкій вдалѣ месутъ.

LXXX

Свирѣпыхъ вѣгрь забава манить дѣву
 Испанія, и юношѣ мала :
 Воспитанъ ими, къ мести онъ и гнѣву
 Прямыхъ я видитъ наслажденья зла.
 О, сколько селъ возмущено враждами !
 И хотъ теперь фалангою одной
 Возстали всѣ предъ общими врагами,
 Но кто оступается дома, — часто злой
 Готовятъ ближнимъ ковь дѣтъ-за вражды нустой.

LXXXI

Зато бѣжала Ревность. Нѣтъ заповоръ,
 Замковъ, дуэньи тощей и сухой,
 Всѣхъ возмущающихъ душу прежде вздоромъ,
 Затѣй желѣзныхъ ревности смѣшной, —
 Все отошло съ минувшимъ поколѣньемъ...
 Кто былъ вольнѣй испанки молодой
 (Пока война не дторгалась съ ророршеньемъ),
 Когда по вѣтру пышный локонъ свой
 Развѣивъ, на лугу она плясала
 Въ тотъ часъ какъ въ небесахъ звѣзда любви мерцала ?

LXXXII

Неразъ и часто мой Гарольдъ любилъ
 Или мечталъ любить, — коль сновидѣнье

Восторгъ. Но здѣсь онъ сердцемъ хладенъ былъ
 Печальнымъ. Онъ, еще воды забвенья
 Непившій, зналъ во глубинѣ души,
 Что у любви лишь крылья хороши,
 Что какъ бы ни ласкали наслажденья,
 Но горечь всё на днѣ они хранятъ —
 И лучшіе цвѣты отравить этотъ адъ.

LXXXIII

На красоту онъ не былъ слѣпъ, но было
 То наслажденье мудрости одной...
 Нето-чтобъ философія склонила
 Взоръ цѣломудренно-суровый свой
 На эту душу, — нѣтъ! но пожираетъ
 Въ насъ страсть сама себя и убѣгаетъ.
 Могилу роетъ собственной рукой
 Себѣ порокъ. Отринувъ обольщенья,
 Гарольдъ какъ Кайвъ жилъ съ печатью отверженья.

LXXXIV

Все созерцалъ онъ недѣлясь съ толпой,
 Но не съ враждой смотрѣлъ на міръ: участіе
 И онъ бы принялъ въ радостяхъ порой.
 Но потерялъ давно улыбку счастья,
 Ничто тоски не заглушало злой.
 Онъ разъ лишь съ демономъ своимъ пытался
 Бороться — и въ уборной молодой
 Красавицы въ немъ жаръ поры былой
 Внезапно пѣснию невольною сказался.

ВЪ ИНЕСЬ

1

Не улыбайся мнѣ: бѣжить
 Отъ сумрачной души моей
 Давно улыбка. Да хранить
 Тебя судьба отъ черныхъ дней!

2.

Иль знать ты хочешь что тоской
 Мнѣ течить сераце день и ночь?
 Зачѣмъ?.. Лишь миръ смѣтится твой,
 А мнѣ не въ силахъ ты помочь.

3

Знай : не любовь и не вражда,
 Не честолюбья глупый сонъ
 Во мнѣ проклятій будать стонъ,
 Влекутъ невѣдомо куда, —

4

X Но скука, скука мнѣ сквозить
 Во всемъ что вижу, слышу я.
 Мнѣ даже красота твоя
 X Едва лишь сердце шевелить.

5

То скука вѣчнаго жила...
 За гробомъ ничего не ждетъ
 Душа, во лишь во мракъ сойдя,
 Миръ возжелѣнный обрѣтеть.

6

Кто можетъ отъ себя уйти?
 Изъ края въ край, все дальше въ даль
 Я мчусь, — повсюду впереди
 Меня мой демонъ злой — печаль.

7

Всѣ жадно гонятся кругомъ
 За тѣмъ, что бросила моя
 Душа: дай-богъ имъ жить пхъ сномъ!
 Да не пробудятся какъ я.

8

А мнѣ... мнѣ по свѣту блуждать,
 Да мучиться прошедшимъ, другъ,
 Да тѣмъ себя лишь утѣшать,
 Что вызвала зло лютейшихъ мукъ.

Какихъ? О! знать ихъ не желай
И въ бездану прачную свой взглядъ,
Свой свѣтлый взглядъ не устремляй!
Въ душѣ людской таится адъ!

LXXXV

Прощай, Кадиксъ! быть-пометь навсегда!
Кто стѣнь твоихъ забудетъ защищеные?
Одинъ остался вѣрнѣ ты, когда
Подъ яго все склонялося въ смущеньѣ.
И ежели среди борьбы святой
Родною кровью стогны обагрились, —
Убийства жертвой полъ предатель злой...
Всѣ стали честно здѣсь за край родной,
Покорностью одни-вельможи лишь срамлясь.

LXXXVI

Да, таковы сыны твои, земля
Съ судьбой странной: вольности незная,
Они за вольность бьются, умирая
За честь безсильной власти короля.
Бѣжить дворянство, но толпа возстала,
Рабамъ Измѣны вѣрная, — своей
Родной землѣ она оплотомъ стала...
Ей гордость путь свободы указала
И кликъ ея: война, война хоть до ножей!

LXXXVII

Вы, кто испанцевъ знать вполнѣ хотите,
Кровавой брани лѣтопись прочтите!
Все, что вражда лютейшая къ врагамъ
Внушать лишь можетъ, въ ходъ она пускала:
Отъ топора до тайнаго кинжала —
Все годилось народа мести злой,
Лишь-бы сестеръ и жонъ спасти любимыхъ,
Лишь-бы враговъ изгнать изъ странъ родимыхъ...
О еслибъ хищныхъ ждалъ вездѣ расчетъ такой!

LXXXVIII

Хотите-ль падшихъ вы вочтить слезою?
 Взглянуть на долъ кровавый стоить вамъ,
 На руки, обогранныя рѣзною,
 Убійствомъ женщинъ — и зѣвать вы сами
 Оставьте мертвецовъ безъ погребенья,
 Предайте трупы вранамъ на съѣденье...
 Пусть груды побывавшія костей
 И токи крови служатъ для дѣтей
 Свидѣтельствомъ отцовъ великаго сраженья.

LXXXIX

Но дѣло страшное не рѣшено.
 Стремятся съ Пиринеевъ легіоны —
 И въ темныхъ тучахъ выси небосклона,
 Исходъ предвидѣтъ смертнымъ не дано
 Очамъ. Народовъ падшихъ упованье
 Къ Испаніи приковано съ тоской.
 Испаніи свобода — ихъ возстанье, —
 И больше странъ, чѣмъ тяжкою рукой
 Поработилъ Пизарръ, воспранеть съ сей страной.

XC

Ни крови токъ на Талаверскомъ полѣ,
 Ни чудеса Бароссы, ни костей
 Людскихъ громады въ Альбуэры долѣ,
 Доселѣ, о Испанія, твоей
 Увы! еще не искупили воли...
 Когда же вновь олива зацвѣтетъ
 И все въ краю свободой озарится?
 О много, много дней еще промчится,
 Пока свобода здѣсь какъ древо возрастетъ!

XCI

И ты, мой другъ (!) ! (сердечной скорби сила

(!) Джонъ Уингфильдъ, одинъ изъ англійскихъ оицеровъ, другъ Байрона, умершій отъ лихорадки.

Невольнымъ стономъ рвется изъ груди)
 Когда бы подъ мечемъ ты палцъ, среди
 Товарищей, — слезу-бъ остановила
 У дружбы гордость; но во гробъ сойти
 Безъ пользы и безъ славы, быть забвеннымъ
 Всѣмъ міромъ, и однимъ уединеннымъ
 Лишь сердцемъ быть помянута мовиъ —
 Зачто наказанъ былъ ты жребіемъ такимъ?

XСII

О старшій изъ друзей, всѣхъ больше мною
 Любимый, сердцу милый — въ немъ же ты
 Единый лишь всѣ пережилъ мечты!
 Дай хоть во снѣ увидѣться съ тобою!
 Пусть токи слезъ миѣ Утро обновить,
 Меня къ сознанью горя пробуждая...
 И пусть воображеніе парить
 Надъ мирною могилою, пока я
 Не стану прахомъ самъ: насъ смерть соединить.

XСIII

Гарольда страивій первая глава
 Окончена. Кто знаетъ о немъ желаетъ,
 Тотъ скоро — если рифмовать слова
 Охота не пройдетъ во миѣ — узнаеть.
 «И такъ не много-ль?» можетъ-быть кричить
 Жестокій критикъ... Но прошу терпѣнья.
 Гарольдъ страны иныя посѣтитъ:
 Онъ Греціи развалины узритъ —
 Остатки лучшихъ дней святого вдохновенья.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

Оренбургъ.
 1862 года марта 12.

ВР

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ XII

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1862
